

О ДРЕВНЕРУССКИХ ИМЕНАХ ОЛЕГ И ОЛЬГА

В статье рассматриваются скандинавское имя Хельги и древнерусские имена Олега и Ольги. Анализ имени Хельги на основе работ скандинавских лингвистов показывает, что оно являлось гипокористикой и в силу этого никогда не использовалось в именослове правителей. Имена Олега и Ольги появились в лоне индоевропейского субстрата Восточной Европы.

Согласно концепции автора, Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя, сложившегося еще на основе индоевропейского субстрата в Восточной Европе. Как всякие древние имена, они видоизменялись, принимали разную форму. Наиболее архаичные формы это – Вольг/Вольгá для мужского рода и Вóльга/Вóлга для женского рода, но в летописях наряду с ними можно видеть Олег и Ольга, поскольку чередование с начальной «в» и без нее было типично для древнерусского языка. В летописях можно встретить эти имена в обоих вариантах, т.е. как с начальной в, как Волга, так и без нее, как Ольга/Олга.

В Ипатьевской летописи под 1196 годом встречается написание Вольгович наряду с Ольговичи.

Древность мужского имени Вольгá подтверждается тем, что данное имя сохранилось в былинах. Это, например, известный Вольгá Святославович, богатырь наших былин. Данный цикл былин принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе. По какому праву норманисты начинают свой анализ с формы Олег, а не с формы Вольгá? Очевидно, потому, что введение архаичной именной формы Вольгá может нарушить стройность германофильской казуистики.

Еще в XIX в. высказывались мысли о том, что Волга – двусловное имя, где корень вол-, а га- есть второй компонент, в названиях рек обозначавший гидроним: Онега, Пинега, Синюга или озеро Синего в Московской области и пр., и также как и первый, никакого отношения к финно-угорским языкам не имевший. Изучая гидронимы Поволжья, Прикамья и Русского Севера и сравнивая их с данными названий на юге и в центре России, А.И. Соболевский пришел к выводу о том, что эти области были населены носителями индоевропейского языка – языка автохтонного населения Восточной Европы, которое Соболевский называл скифским, по его словам, «впредь до подыскания более подходящего термина». Я

в своих работах для языка автохтонного населения Восточной Европы начала использовать такой, на мой взгляд, «более подходящий термин», как язык древних русов, т.е. язык, лежащий у истоков древнерусской языковой традиции.

Все уточняющие лингвистические характеристики оставляю лингвистам, здесь же ограничусь примером из работы Соболевского: есть река Сеньга как приток Клязьмы и есть такой аналог этого гидронима как река Синьговка/Сеньговка в Калужской губернии (бассейн Днепра). Соболевский проводит параллель с названием Синегга в двинской грамоте XV в., известное как Синюга, приток Вели, с отсылкой к работе Огородникова, у которого отмечены Сенеж или Синеж, Сенежское озеро на севере Московской губернии, которое в Степенной книге названо как Сенега или Сенеж. В силу взаимозаменяемости именных компонентов *-га/-г* и *-жа/-ж* в русском языке Соболевский присоединяет к этим примерам Разнежскую заводь или Разнежский затон на Волге (несколько выше реки Суры). Другой пример: есть река Сога, приток Согожи, притока Шексны, но есть и Сага – две речки в Черниговской и одна в Курской губерниях (бассейн Днепра), вариантами названий которых выступают Сеготь, Сегозеро и Сига (= *Сегá?) в Смоленской губернии (бассейн Днепра), а также название озера Сиг (с урезанным *га-*) в Тверской губернии. Ну, какие здесь могут быть финно-угорские языки? Все чередования в конечном именном компоненте *га-* хорошо объяснимы из русского языка.

К приведенным примерам из Соболевского можно добавить результаты исследований по архаичной топонимике Новгородской земли историка В.П. Васильева. Согласно Васильеву, такие гидронимы, как Онега, Онига являются историческими вариантами гидронима Онегость, т.е. данные сокращенные формы есть не что иное, как отражение на топонимическом уровне закономерности усечения соответствующего антропонима на *-гость*. К реальности такого рода имен на иных славянских землях можно добавить, например, надпись «Доброга» на корчаге не позже XI в., обнаруженной при разборке руин Успенского собора в Киеве. Данная работа Васильева представляет, на мой взгляд, ценнейшее исследование, но относительно трактовки именного компонента *-гость* хотелось бы внести некоторые корректировки. Совершенно согласна с мыслью о вторичности гидронима, но не относительно антропонима, а относительно теонима, поскольку, по моему убеждению, такие имена с конечным компонентом *-гость* (Радогост, Велегост) и др. были изначально именами божеств или обожествленных предков. Без учета аспекта сакральности понять роль компонента *-гость/гост-* невозможно.

Ключевые слова и фразы: летописи, имена, Олег, Хельги, рудбекианизм, политические мифы.

In the article, the scandinavian name Helgi and the Old Russian names Oleg and Olga was studied. The name Helgi, as according to scandinavians fiologer, is a form of "nickname" or a hypocorism and therefore never used as an royal name. The names Oleg and Olga can be traced back to the indoeuropean language in East Europe.

The article discusses the Scandinavian name Helgi and old names Oleg and Olga. Analysis of the name Helga on the basis of works of Scandinavian linguists shows that it was hypocritical and therefore never used in imenoslov rulers. The names of Oleg and Olga appeared in the bosom of the Indo-European substrate in Eastern Europe.

According to the concept of the author, Oleg and Olga - ancient names of the archaic nominative layer, formed on the basis of Indo-European substrate in Eastern Europe. Like all ancient names, they evolved, took a different shape. The most archaic form it – Valg/Volha for masculine and Volha/Volga for female, but in the annals along with them, you can see Oleg and Olga, because the alternation of the initial in and without it was typical for the ancient language. In the Chronicles you can find these names in both versions, i.e., from the start, as the Volga, and without it, as Olga/Olga.

In the Ipatiev chronicle under 1196 year common writing Volkovich along with the ol'govichi.

The antiquity of the male given name of the Volga confirm the fact that this name preserved in the epics. This is, for example, the famous Volga Svyatoslavovich, the hero of our epics. This cycle of epics belongs to the most archaic layer in the Russian epic the epic. By what right normality start your analysis with forms Oleg, not with the shape of the Volga? Obviously, because the introduction of the archaic nominative form Volha can disrupt the harmony germanophilia casuistry.

Even in the nineteenth century, expressed the idea that the Volga - doonane name, where the root of the ox-and ha – there is a second component, in the names of rivers showing the hydronium: Onega, Pinega, Sinyuga or lake Blue in the Moscow region, etc. and like the first, nothing to do with the Finno-Ugric languages are not taken.

All qualified linguistic characteristics leave to linguists, here limited to the example of the work of Sobolev: there are Sen'ga river as a tributary of the Klyazma and there is such a counterpart of this hydronium as the river Singavi/Sengoku in the Kaluga province (Dnieper basin). Sobolevsky draws a parallel with name Senega in Dvina ratification of the fifteenth century, known as sinyuga, the influx of Led, with reference to the work Ogorodnikova, which marked the Senezh or Sinezh, Senesce lake in the North of Moscow province, in which the Power of the book named as Less or Seneg. Due to the interchangeability of the nominal component-ha/-g and-MS/-W in English Sobolevsky attaches to these examples Resnicow backwater or Reznicki backwater on the Volga (slightly above the Sura river).

*Another example: there is a river Soga, a tributary of Sugoi, a tributary of the Sheksna, but there is the Saga of two rivers in Chernihiv and one in Kursk province (Dnieper basin), variant names which are Segot, Segozero and Whitefish (= *Cezá?) in Smolensk province (Dnieper basin), as well as the name of the lake Whitefish (abbreviation ha) in the Tver province. Well, what can be the Finno-Ugric languages?*

All alternation in the final nominal component ha – well understandable from the Russian language. To see examples of Sobolev you can add the results of research on archaic place names Novgorod historian B.N. Vasiliev. According to Vasiliev, such hydronyms as Onega, Oniga are historical versions of the hydronym Onehost, i.e., the data reduced form is nothing other than a reflection on toponymic level patterns of truncation of the corresponding anthroponomy on the guest. To the reality of such names in other Slavic lands, you can add, for example, the label "Dobrogea" on the pot not later than the eleventh century, found at dismantling the ruins of the assumption Cathedral in Kiev. This work Vasiliev is, in my opinion, the most valuable study, but regarding the interpretation of the nominal component-the guest would like to make some adjustments. I totally agree with the idea of doubling the hydronym, but not relative to the anthroponomy, and relative caonima, because in my opinion, these names with the final component-the guest (Radogost, Belegost) and others were originally the names of deities or deified ancestors. Without taking into account the aspect of sacredness to understand the role of component-guest/GOST - impossible.

Key words and phrases: chronicles, personal names, Oleg, Helgi, rudbecianism, political myths.

Одним из постулатов норманизма является утверждение тождества древнерусского имени Олег со скандинавским Хельги/Helgi, что, по логике норманизма, автоматически доказывает захват скандинавами Киева и образование ими в Восточной Европе гигантского государственного объединения от Балтийского моря до Поднепровья [20, с. 143].

При этом, как и все норманистские постулаты, подобное утверждение выдается за давно доказанную и общепризнанную истину. Однако при ближайшем рассмотрении вопроса, как обычно, выясняется, что за категорическими утверждениями никаких реальных аргументов нет.

И это естественно, если знать, что норманистский постулат о скандинавском происхождении летописных имен пришел в российскую историческую науку из ненаучного источника. Работа с проблематикой западноевропейских исторических утопий, использовавшихся в Западной Европе уже с XV-XVI вв. для создания политических мифов с использованием истории как разновидности ин-

формационных технологий для управления обществом, показала, что все в норманизм пришло из шведского политического мифа XVI-XVIII вв., включая и попытку трактовать древнерусские летописные имена как «скандинавские» [12, с. 89-120; с. 118-149].

Шведский писатель и основоположник шведского готицизма Иоанн Магнус провозгласил в XVI в., что имена различных героев древности имели готшведское происхождение, приводя в качестве примера имя Телефа из троянских мифов, которое по его убеждению было испорченным шведским именем Елефф, и пожалуйста – все деяния этого героя автоматически становились частью шведской истории [13, с. 118-139].

Пустились шведские придворные писатели XVII в. доказывать, что имя гиперборейского мудреца Абариса – это испорченное шведское имя Эверт, и пожалуйста, после этого, по их мнению, можно было начать утверждать, что вся Гиперборея, а значит и основы древнегреческой культуры были созданы предками шведов [7, с. 111-117].

На рубеже XVII-XVIII вв. шведский придворный историограф Олаф Рудбек стал доказывать, что имя летописного князя Рюрика – шведского происхождения, и пожалуйста, вся древнерусская государственность под его пером оказалась созданной предками шведов [11, с. 437-442].

Абсурдные фантазии Рудбека и других шведских мифотворцев о выдуманном величии шведской истории в древности были в XVIII в. перевезены в Петербург немецкими академиками – горячими поклонниками Рудбека. И с тех пор российская историческая наука истово занимается превращением всех древнерусских имен в скандинавские. Дело это невозможное, поскольку научно доказать то, что пришло из ненаучного источника, нельзя.

Но стереотипы норманистских мифов пока цепко сидят в сознании людей, и потому скрупулезный антропонимический анализ летописных имен необходим, хоть уже изначально должно быть ясно, что все древнерусские летописные имена такие же скандинавские, как Телеф из троянских мифов или гиперборейский Абарис.

Надо сказать, что если имя Рюрика было провозглашено шведским именем с соответствующим набором «вариантов» еще шведским сановником П. Петреем в начале XVII в., а от него через Рудбека и его последователей данное «открытие» было усвоено Байером и так вошло в русскую историю, то для имени Олега очень долго не могли подобрать ничего путного. Байер сразу же задекларировал, что Олег также принадлежал к скандинавским именам, и «на камнях скандинавских находится Алак (я мню, Олав в Олег превращено)» [1, с. 350]. Вслед за Байе-

ром и Шлецер постулировал, что древнерусское Олег – это шведское Олоф [37, с. 105].

Как видим, подбор скандинавских, конкретно шведских, «аналогий» для древнерусского Олега шел в лучших традициях И. Магнуса и О. Рудбека: никаких доказательств, поскольку эти доказательства для обращенных в рудбекианизм не требовались, их взгляды основывались на вере, что все в европейской истории – от гиперборейцев и готов до древнерусских варягов – вышло из Швеции, включая имена героев, богов, стран. Но даже для самых убежденных норманистов предлагаемые скандинавские тождества выглядели слишком гадательными.

Пока, наконец, Куник не выступил с заявлением о том, что у Константина Багрянородного имя Ольга передается как *Elga* (Ελγα), каковое имя соответствует скандинавскому *Helga*, и что это и есть тот исходный вариант, от которого произошли имена Ольги и Олега [39, s. 142 ff.]. Предложение Куника было встречено норманистами с энтузиазмом, при этом ни разу не задались вопросом: а может, наоборот, может, скандинавская *Helga* есть производное от русской Ольги? Но никто и выяснять не стал: какое имя появилось первым – русское Ольга или скандинавская Хельга?

Версия, предложенная Куником, зацементировалась в исторической науке. Ее подкрепил датский норманист В. Томсен, уже безапелляционно записав, что имена, которые встречаются на первых страницах летописи, хранят следы скандинавского языка, и в числе этих имен у него, само собой, присутствует имя Олега: «*Oleg (Ol'g) = Helgi; Ol'ga (grek. Elga) = Helga*» [42, s.64-65].

У современных норманистов данное утверждение преподносится, как истина в последней инстанции: «Этимология имени первого (? - Л.Г.) русского князя, – утверждает Мельникова, – никогда не вызывала сомнений: др.-рус. *Ольгъ* > *Олеъ* восходит к древнескандинавскому антропониму *Helgi*. Это имя соответствует прилагательному *helgi* (стяженная и слабая форма прилаг. *heilagr* < **hailagaz*, др.-англ. *hālig* и др.), которое получило широчайшее распространение в Скандинавии в христианскую эпоху в связи с тем, что за ним закрепилось значение "святой"» [20, с. 138].

Известный российский медиевист А.В. Назаренко так безоговорочно и утверждает: «...в природной скандинавской, а не в славянской огласовке звучало в Константинополе в середине X в. имя княгини Ольги – Ελγα...» [21, с. 387].

Теперь пора сказать, что приведенные норманистские толкования - грубая ошибка. Скандинавское имя *Helgi* не могло стать предметом заимствования в древнерусский антропонимикон, поскольку *Helgi* – не полное имя, а гипокористика, т.е. уменьшительное имя, как Коля от Николая, как Ваня от Ивана и т.д. Об

этом сообщает выдающийся шведский языковед и исследователь скандинавской антропоники Карл Ивар Модээр (1904 – 1960) в работе, изданной посмертно и представлявшей его последний труд [40, s. 39].

Всем, кто владеет скандинавскими языками, известно, что скандинавские мужские уменьшительные имена образуются от одноосновных или двусловных имен с помощью окончаний *-e* или *-u*, а женские – с помощью окончания *-a*. Например, уменьшительное имя от Карл – Калле, от Ларс – Лассе, от Олаф – Олле, от Харальд – Халле, от *Germund* – *Gemi*, от *Gerlak* – *Geri*; иногда одна и та же гипокористика могла иметь оба варианта окончаний, например, от имени *Asbiorn* могло быть как *Ase*, так и *Asi* и т.д.

Примеры образования гипокористик от женских имен: от *Gunhild* – *Gunna*, от *Asrun* – *Asa*, от *Hildegærd* – *Hilla*, от *Ragnborgh* – *Ragna* и т.д. На наших глазах как бы улетучивается «природная скандинавская огласовка имени Еλγα». Как показывает конкретное обращение к скандинавским языкам, женские скандинавские имена, оканчивающиеся на *-a*, являются уменьшительными формами, которые в официальных случаях, как это было в Константинополе, не употреблялись. Но женские имена с окончанием на *-a* в скандинавских именословах могут быть и заимствованными из иностранных именословов, в частности, из христианских или из славянских, например, Анна или Вера.

Факт того, что средневековые скандинавские полные женские имена не оканчивались на *-a*, относится к разряду элементарных знаний в области скандинавских языков, поэтому по какому праву норманисты, среди которых много скандинавистов, уверяют, что имя Еλγα имеет «скандинавскую огласовку»? Ответ на этот вопрос вряд ли будет получен, следовательно, остается идти дальше.

Очевидно, что за каждой гипокористикой должно стоять полное имя. Какое полное имя стоит за гипокористикой Хельги? В работе Модэера приводятся по этому поводу ясные сведения: имя *Hælghe* в шведском именослове является гипокористикой или уменьшительным именем от древнешведского двусловного *Hælmger*, где первая основа имени *hælm-/hiælm-* или древнесканд. *hiælmber* < **helma*, соврем. *’hjålm*’ т.е. *’шлем’*, а вторая основа *-ger* от древнескандинавского *geir* *’spjut*’, т.е. *’копье’*. Таким образом, общее значение для полного имени получается что-то типа «Шлемоносец», насыщенное воинской символикой, что для раннесредневековых скандинавских имен было характерно. И только в новошведском, продолжает Модээр (т.е. с XIII в., с переходом на латиницу), эта основа начинает выступать как форма слабого склонения прилагательного *helig* в значении «святой» [40, s. 39].

Более подробно о Хельги в скандинавских именовсловах я пишу в статье «Великий русский князь Олег: имя и личность». В названной статье я также даю критический разбор норманистского отождествления князя Олега с героем норвежской Саги об Одде Стреле и показываю, что именно норвежская сага является компиляцией двух древнерусских сюжетов, а не наоборот. Кроме того, в статье рассматривается значение такого титула князя Олега, как князь урманский и разъясняется, что он никакого отношения к Норвегии не имел. Исходя из древнерусских сакральных понятий *«рота»* и *«мати»* анализируется и смысл фразы князя Олега о Киеве «Се буди мати градом русским» [6, с. 8-34].

Таким образом, исследование шведской мужской гипокористики Хельги приводит к неоднозначному выводу о том, что данная гипокористика не могла быть заимствована в древнерусский княжеский именовслов и стать именем великого князя Олега, поскольку заимствуются полные формы имен. Не встречается Хельги и в королевских именовсловах скандинавских стран (имеются в виду реальные исторические именовслова, а не литературные), поскольку правящие особы полуименем не назывались. Женское имя Ел҃҃а из византийских источников не является исходно скандинавским именем, поскольку в скандинавских именовсловах женские имена с окончанием *-a* являются либо гипокористиками, которые не заносились в официальные документы, либо заимствованными из иностранных именовслов, очень часто славянских. Следовательно мужская гипокористика Хельги и женское имя Хельга не являются парными именами в скандинавских именовсловах, ибо пришли туда разными путями. Поэтому все, что написано о летописных именах Олега и Ольги как якобы скандинавских именах, на проверку оказывается лишенным сколько-нибудь научной субстанции. И это естественно, поскольку, как сказано выше, все постулаты норманизма происходят из шведского политического мифа, т.е. из ненаучного источника.

Согласно моей концепции, Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя, сложившегося еще на основе индоевропейского субстрата в Восточной Европе. Как всякие древние имена, они видоизменялись, принимали разную форму. Наиболее архаичные формы это – Вольг/Вольгá для мужского рода и Вóльга/Вóлга для женского рода, но в летописях наряду с ними можно видеть Олег и Ольга, поскольку чередование с начальной *в* и без нее было типично для древнерусского языка. В летописях можно встретить эти имена в обоих вариантах, т.е. как с начальной *в*, как Волга, так и без нее, как Ольга/Олга. Вот несколько примеров из ПВЛ:

«Вóльга же бише в Киевѣ сѣ сыном своим дѣтским Святославом,...», но далее: «И послаша деревляне лучшіе мужи, числом 20, в лодыи к Ользе... Ольга

же повелѣ ископати яму велику...И заутра Вѣлга сѣдящи в теремѣ...». Или такие фразы: «Вѣлга же, раздая воем по голуби... И повеле Ольга...», «Иде Вѣлга Новгороду и устави по Месте повосты...» [24, с. 27-29]. В Ипатьевской летописи под 1196 годом встречается написание *Вольгович* наряду с *Ольговичи*.

Древность мужского имени Вольгá подтверждается тем, что данное имя сохранилось в былинах. Это, например, известный Вольгá Святославъевич, богатырь наших былин. Данный цикл былин принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе. По какому праву норманисты начинают свой анализ с формы Олег, а не с формы Вольгá? Очевидно, потому, что введение архаичной именной формы Вольгá может нарушить стройность германофильской казуистики.

Чередование с начальной *в* и без нее было типично для древнерусского языка: возеро < озеро, востров < остров, вострый < острый и т.д. Соответственно, типичным для русского языка является переход Вольгá < Вольг < Ольг. Однако для древнерусского языка был типичен и переход начального *е* в *о* и обратно, напр.: озеро – езеро, орел – ерел, елень – олень, един – один, Елена – Олена (например, в ПВЛ сказано: «речено ей во крещении Олена»), Омельян-Емельян. Соответственно, Вольга < Ольга < Ельга самые обычные для древнерусского именослова чередования. Поэтому византийские авторы имели полное право изобразить имя Ольга как Елѡа. Но исследователь прошлого века М. Халанский находил и написание Оѡлѡа на миниатюре I. Куропалата, изображавшей прием русской княгини во дворе византийского императора [34, с. 320-321].

Так что византийским соседям были известны обе формы имени: как Ольга, так и Елга. И обе эти формы вполне объяснимы из русского языка. А в латыни и в германских языках перед гласной часто ставился знак придыхания *h* (haben, history), соответственно, в огласовке этих языков древнерусская Ельга стала Хельгой. Поэтому германская Хельга – от русской Ельги, а не наоборот.

Но как же могли лингвисты так запутаться? Ведь здесь речь идет о достаточно широких лингвистических кругах.

И опять недобрым словом приходится вспомнить рудбекианизм и его вторую составляющую, т.е. созданную Рудбеком псевдоидею этнической карты Восточной Европы в древности, к которой, как это ни странно, восходят истоки наших представлений о том, что в Восточной Европе первыми поселенцами были финно-угорские народы, а славяне, то бишь русские появились в Восточной Европе позднее всех.

В моих работах по рудбекианизму я объясняла, зачем Рудбеку надо было вдаваться в эти вопросы [13, с. 139-176]. Пусковой механизм для данных «иска-

ний» сработал еще в начале XVII в., в Смутное время. Тогда у маленькой Швеции появилась неожиданная возможность отхватить и присвоить куски большого Русского государства. Но всякое неправо дело нуждается в идеологическом обосновании. Шведские историки и литераторы следовали пожеланиям первого лица, т.е. бишь короля, разработать новейшую концепцию истории Восточной Европы с древнейших времен, но без русских. В результате чего и возник проект, который условно можно окрестить «Швеция как древняя Гиперборея». Придворными шведскими литераторами одна за одной стали создаваться работы, где утверждалось, что гипербореи из античных источников были прямыми предками шведов, и соответственно, предки шведов, или германцы, освоили Восточную Европу задолго до других народов. Эти фантазии и развил духовный отец норманизма Рудбек, который еще дополнил картину: в постгиперборейские времена финны заселили восточноевропейские земли задолго до славян, шведы же под именем варягов властвовали над ними и собирали с них дань, а русских на севере и в центре Европы и близко «не стояло».

Эта выдуманная история создавалась как политический миф с сугубо прагматическими целями: в обоснование «исконного» исторического права Швеции на восточноевропейские территории или, как минимум, на завоеванные в период Смутного времени новгородские земли, на которых якобы предки шведов властвовали задолго до русских: населением на завоеванных территориях надо было управлять и соответственно объяснять «правильность» оккупации. Безумные фантазии Рудбека, у которого, по словам современного шведского историка Свеннунга, шовинистические причуды человеческой фантазии доведены до полного абсурда [41, s. 91], в XVIII в. были провозглашены шведскими властями как непререкаемая историческая истина и преподавались в учебных заведениях, в том числе и в Финляндии, которая была частью шведского королевства. И когда в начале XIX в. Финляндия вошла как княжество в состав Российской империи, то вся эта рудбекианистская «ученость» хлынула в российские университеты и была там многими принята за научные открытия, поскольку общественное мнение российского общества к началу XIX в. под влиянием галломании уже прониклось верой: все, что с Запада – это все самое передовое и архинаучное.

В российской науке развитие рудбекианистских представлений об этнической карте Восточной Европы в древности получило прежде всего в трудах финских филологов и фольклористов, таких как М.А. Кастрен (1813-1853), Д. Европеус (1820-1884) и др. Эта плеяда финских деятелей культуры принадлежала поколению финской интеллигенции, сложившемуся на волне пробуждения национального самосознания в Финляндии в первой четверти XIX в.

Большую известность получили труды Кастрена по сравнительному языкознанию и исторической лингвистике финно-угорских языков, а также вклад Европеуса в собирание и систематизацию финского фольклора. В значительной степени под влиянием их работ сложилась та картина сплошного финно-угорского мира, существовавшего, по их убеждению, в древности от Саян до Балтики и населившего, в частности, север Восточной Европы первым, в языковом отношении верифицируемым населением. В своих поездках по Лапландии, Карелии, в Сибирь и на Урал Кастрен собрал обширный материал по уральским и алтайским языкам, который позволил ему создать гипотезу о родстве этих языков. Однако одновременно он популяризировал впитанные из рудбекианизма идеи о том, что носители финно-угорских являются первым, т.е. коренным населением в тех областях, где они проживали в его время.

С подачи Кастрена и начали названия русских рек выводить из финно-угорских языков, включая и название Волги, а это название связано с именем Олега и Ольги. Этимологию Волги решили связывать с финно-угорским корнем *valg*, т.е. «светлая», «белая» [33, с. 105-107].

Но где-то со второй половины XIX в. со стороны ряда российских ученых стали высказываться возражения против идеи «финно-угорского субстрата», поскольку основные гидронимы Русской равнины не получали объяснения из финно-угорских языков, но находили точные соответствия в частях мира, населенных носителями индоевропейских языков. Однако русской истории и здесь не повезло, поскольку для исследования восточноевропейских гидронимов как индоевропейских придумали никогда не существовавший в Восточной Европе «народ» балтов, ибо для «нефинских» гидронимов стали находить подходящую этимологию в прусском и литовском языках. Хотя термин «балты» в Восточной Европе – не название исторически сложившегося там этноса, а сугубо книжный термин, вошедший в науку, согласно М. Гимбутас, с 1845 г. и искусственно образованный от гидронима *Балтийское море* для обозначения носителей «балтских» языков, поскольку славян, то бишь русских в Восточной Европе, под воздействием выдумок Рудбека и его последователей, не мыслилось ранее второй половины первого тысячелетия.

В силу того, что свято место пусто не бывает, в науке довольно быстро оформилось убеждение, что именно предки литовцев заселяли в древности земли в районах Смоленска, Твери, Москвы и Чернигова.

В немалой степени этому способствовали труды В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева. В частности, в известном труде «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» авторами прямо заявлялось о том, что «интерес к

изучению гидронимии верхнего Днепра определенлся стремлением исследователей очертить более древнюю территорию расселения балтийских племен (говоря конкретно, всякий раз имелись в виду древние литовцы) [31, с. 4].

Эту мысль подхватила и развила М. Гимбутас: «Балтийские названия рек и местностей, – писала она, – бытуют на всей территории, расположенной от Балтийского моря до Западной Великороссии... В течение столетий русские воевали против балтов, пока наконец не покорили их. С этого времени упоминаний о воинственных галиндянах не было. Скорее всего, их сопротивление было сломлено, и, вытесненные увеличившимся славянским населением, они не смогли выжить... западные балты сражались против славянской колонизации на протяжении 600 лет...» [5, с. 31-36].

Прямо картины, выхваченные из истории борьбы с монгольским завоеванием! А на этом фоне частенько встречаются замечания: под «балтами» подразумевается сугубо лингвистический термин. Как видим, далеко не только лингвистический!

И все это – результат воздействия на историческую мысль рудбекианизма и стоявшей перед ним задачи исказить русскую историю в истории Восточной Европы. Это семя, брошенное на историческую ниву, проросло и особенно укрепилось в советской науке, развившись в хорошо узнаваемые исторические образы, типа: «...славянская колонизация продвигалась в толщу балто-литовских и финно-угорских племен» [27, с. 141], где «колонизованные» русскими финно-угры – из Рудбека, а балты – из лингвистической умозрительности XIX в. и теоретической неподготовленности исторической науки объяснить динамику миграций носителей индоевропейских языков в Восточной Европе в III-II тыс. до н.э.

Под влиянием названных факторов сложилась такая теория: в процессе распада индоевропейской общности в южном ареале Восточной Европы в III – II тыс. до н.э., результатом которого стали миграции индоарийских и ираноязычных народов в Азию, появилась придуманная культура протобалтов – новая индоевропейская общность Восточной Европы, якобы оформившаяся на развалинах древнего индоиранского мира, которую в силу сходства между литовским и санскритом соотносят обычно с предками литовцев.

По замечанию Марии Гимбутас, литовский язык и санскрит стали теми лингвистическими полюсами, между которыми располагаются все языки индоевропейского происхождения. Вот так воды исторических утопий сомкнулись над той частью индоевропейского субстрата, которая в Восточной Европе должна была быть представлена и древними русами (помимо ариаев), и погребли ее, как затонувший корабль. После того, как арии ушли в Азию, в Восточной Европе оста-

лись, по мудрому заключению науки, литовцы, якобы выделившиеся из ...индоиранцев.

А что же славяне, т.е. русские?! С ними все ясно: «В течение столетий русские воевали против балтов, пока, наконец, не покорили их... западные балты сражались против славянской колонизации на протяжении 600 лет» и пр. Вот так исторические утопии сделали русских – прямых потомков древних русов – колонизаторами и оккупантами на своей родной земле. Так что исторические утопии и неверная трактовка топонимики – не такая уж безобидная вещь.

С балтами без ДНК-генеалогии разобраться было бы трудно. Я их считала исходно носителями ИЕ, думала, что и они были частью индоевропейского субстрата. Так всех убедил образ литовского языка как чистого санскрита.

А оказывается, и финно-угры, и те, кто сегодня балты, пришли в Европу как носители уральских языков и как представители одной и той же гаплогруппы N1c1. В Восточную Европу шли представители гаплогруппы N1c1 как два разных потока и в разные времена. Первый поток N1c1 пришел в Восточную Европу около 2500-2000 лет тому назад, его представители восприняли ИЕ язык уже в Европе и стали предками нынешних балтских народов. А второй поток дошел до Финляндии 2000-1500 лет тому назад и сохранил язык уральской языковой группы. Соответственно, оба миграционных потока представителей гаплогруппы N1c1 пришли в Восточную Европу много позднее переселения туда носителей индоевропейских языков или R1a, т.е. они пришли в Восточную Европу, уже освоенную её насельниками ариями и древними русами, давшими свои названия гидронимам и другим географическим феноменам [16].

Такова была реальная картина того, как закладывались основы российской полиэтничности, функционировавшие на протяжении тысячелетий. Но исторически верные представления о генезисе российской полиэтничности оказались искажены до неузнаваемости.

Приведенные данные пока никак не повлияли на представления об этнической картине Восточной Европы в древности, и в науке по-прежнему мыслится так: где-то там на юге, ближе к Уралу были индоиранцы (еще не видевшие в глаза Индии и Ирана, поскольку стран с такими названиями еще не было), но они все до одного ушли, в центре же непонятно как и из чего образовались балты, на севере размещались финно-угры, а славяне-русские пришли позже всех как колонизаторы.

Появление «балтов» в Восточной Европе отразилось и на толковании Волги: имя Волга из финской «зоны» плавно перешло в «балтскую». И открылось то-

гда вдруг, что Волга – это балтская этимология от «валка» – небольшой ручей или ручей, текущий по болоту [25, с. 47].

Как можно для величайшей реки Восточной Европы придумывать этимологию «небольшой ручей», с таким вопросом обращаться не к кому. Но видимо, повлияла привычка к финно-угорскому *valg*, хотелось чего-либо созвучного, нашли *валку*. Правда, у Гимбутас есть и другое предложение по этимологии, но тоже из балтских языков – этимологии подвластно все, что угодно.

Гимбутас полагала, что «название реки Волги восходит к балтийскому *jilga* – “длинная река”. Литовское *jilgas, ilgas* означает “длинный”, следовательно, *Jilga* – “длинная река”. Очевидно, что это название определяет Волгу как одну из самых длинных рек в Европе. В литовском и латвийском языке встречается множество рек с названием *ilgoji* – “самый длинный” или *ilgupe* – “длинная река”» [2, с. 36]. Обе балтские «этимологии»: и «ручей на болоте», и «длинная река» выглядят глуповато. Первый вариант – своим полным несоответствием описываемому гидрониму, второй – наукообразной умозрительностью, вне связи с мифопоэтическим мышлением архаичных эпох. Не бродили предки литовцев, мигрировав в Восточную Европу из Зауралья, по восточноевропейским горам и долам, пытаясь измерить, какая река длинная, какая короткая. У носителей индоевропейских языков (ариев и древних русов) существовал культ поклонения рекам, поэтому принципы наречения гидронимов, особенно крупных основных гидронимов, были совершенно иными.

Нет смысла подробно останавливаться на тех гипотезах, которые до сих пор циркулируют вокруг названия Волги, поскольку их множественность демонстрирует только явную беспомощность современной лингвистики, и так будет до тех пор, пока рудбекианистские утопии стоят на пути исследований. Тем более, что рассматриваемая здесь проблема – это личные имена, т.е. иная часть ономастики. Однако спецификой древнерусской духовной культуры является тесная связь наиболее важных гидронимов и антропонимов. По моему убеждению, данный факт является дополнительным доказательством автохтонности древнерусской традиции на той территории, где эта связь обнаруживается, т.е. в Восточной Европе, что и иллюстрируется явным тождеством названия главной реки Восточной Европы Волги, имя которой размножено в Волгарицах, Воложках, Волошках и др. как в бассейне Волги, так и за ее пределами, с былинными, летописными и календарными именами Вольги, Вóлга, Олега и Ольги.

Соответственно, для рассматриваемой темы важно отметить, что в результате упомянутых историографических коллизий у лингвистов зацементировалось убеждение, что название Волга, а следовательно и имена Вольга́, Вольг или Елга

нельзя толковать из русского, потому что в праславянском, как его понимает современная лингвистика, сомнительно наличие корня *волг-*. А если для какого-либо русского имени лингвистика не в состоянии подобрать то, что представляется славянской этимологией, то в девяти случаях из десяти такое имя провозглашается ... скандинавским!

Однако подгоняя под финно-угорские названия, решили, что корень *волг-*. В древнерусском названии Волги, также как в древнерусском имени Волг/Олг корень или постоянно сохраняемая основа есть *вол-/ол-*, остальная же часть в этих словах подвержена изменениям.

Еще в XIX в. высказывались мысли о том, что Волга – двусловное имя, где корень *вол-*, а *га-* есть второй компонент, в названиях рек обозначавший гидроним: Онега, Пинега, Синюга или озеро Синего в Московской области и пр., и также как и первый, никакого отношения к финно-угорским языкам не имевший. Изучая гидронимы Поволжья, Прикамья и Русского Севера и сравнивая их с данными названий на юге и в центре России, А.И.Соболевский пришел к выводу о том, что эти области были населены носителями индоевропейского языка – языка автохтонного населения Восточной Европы, которое Соболевский называл скифским, по его словам, «впредь до подыскания более подходящего термина» [29]. Я в своих работах для языка автохтонного населения Восточной Европы начала использовать такой, на мой взгляд, «более подходящий термин», как язык древних рисов, т.е. язык, лежащий у истоков древнерусской языковой традиции.

Все уточняющие лингвистические характеристики оставляю лингвистам, здесь же ограничусь примером из работы Соболевского: есть река *Сеньга* как приток Клязьмы и есть такой аналог этого гидронима, как река *Синьговка/Сеньговка* в Калужской губернии (бассейн Днепра). Соболевский проводит параллель с названием *Синега* в двинской грамоте XV в., известное как *Синюга*, приток Вели, с отсылкой к работе Огородникова, у которого отмечены *Сенеж* или *Синеж*, Сенежское озеро на севере Московской губернии, которое в Степенной книге названо как *Сенего* или *Сенег*. В силу взаимозаменяемости именных компонентов *-га/-г* и *-жа/-ж* в русском языке Соболевский присоединяет к этим примерам *Разнежскую заводь* или *Разнежский затон* на Волге (несколько выше реки Суры). Другой пример: есть река Сога, приток Согожи, притока Шексны, но есть и Сага – две речки в Черниговской и одна в Курской губерниях (бассейн Днепра), вариантами названий которых выступают Сеготь, Сегозеро и Сига (= *Сегá?) в Смоленской губернии (бассейн Днепра), а также название озера Сиг (с урезанным *га-*) в Тверской губернии [29, с. 6-7, 16]. Ну, какие здесь могут быть финно-

угорские языки? Все чередования в конечном именном компоненте *ga-* хорошо объяснимы из русского языка.

К приведенным примерам из Соболевского можно добавить результаты исследований по архаичной топонимике Новгородской земли историка В.П. Васильева. Согласно Васильеву, такие гидронимы, как *Онега*, *Онига* являются историческими вариантами гидронима *Онегость*, т.е. данные сокращенные формы есть не что иное, как отражение на топонимическом уровне закономерности усечения соответствующего антропонима на *-гость*. К реальности такого рода имен на иных славянских землях можно добавить, например, надпись «Доброга» на корчаге не позже XI в., обнаруженной при разборке руин Успенского собора в Киеве [2, с. 161]. Данная работа Васильева представляет, на мой взгляд, ценнейшее исследование, но относительно трактовки именного компонента *-гость* хотелось бы внести некоторые корректировки. Совершенно согласна с мыслью о вторичности гидронима, но не относительно антропонима, а относительно теонима, поскольку по моему убеждению, такие имена с конечным компонентом *-гость* (Радогост, Велегост) и др. были изначально именами божеств или обожествленных предков. Без учета аспекта сакральности понять роль компонента *-гость/гост-* невозможно. Это иллюстрируется и высказыванием Васильева о том, что «элемент *-гост*, будучи в постпозиции, является семантически опустошенным и, по сути дела, выполнял, прежде всего, строевую функцию, благодаря чему препозитивный элемент нес на себе основную смысловую нагрузку» [2, с. 126].

Семантическая «опустошенность» могла развиваться в ходе тысячелетий, но в архаичную древнерусскую эпоху имел совершенно определенную смысловую нагрузку, и надо только отойти от понимания компонента *-гост* как современное *гость*, т.е. посетитель, восходящего к примитивной трактовке Г. Миллером личного имени Гостомысла как «к чужестранным склонный».

Гость в древнерусской традиции – это покойник, предок, дух/душа умерших родственников. Поэтому гость в архаичной традиции – это посредник между миром мертвых и живых, носитель судьбы, могущий повлиять на все сферы жизни. Отсюда и погост – церковь с прилегающим к ней участком и кладбищем. Поскольку феномены природы были также сакрализованными объектами поклонения, ассоциировавшимися с «предками», то и их могли приглашать как «гостей» в Сочельник или в канун Крещения. Следовательно, *гость* – это табуированная иносказательная форма имени, под которой скрыто запретное имя божества или обожествленного предка. Поэтому этот элемент использовали в названиях топонимов как оберег для родной земли и как название – посредник между миром живых потомков и миром умерших предков для снискания заступничества последних перед высшими силами. Ближе всего к этому божеству древних русов стоит

древнегреческий Гермес – обладатель тайного знания – хитроумия, проводник душ умерших. По этой древнейшей функции у него было и особое прозвище *Психопомн*, где *psychē* – душа сходно по значению с **ghostis: spirit, soul (spirit), genius, geist*. Как известно, **ghostis* возводится к эпохе индоевропейской древности, которую сейчас можно отождествить с эпохой ариев и древних русов в Восточной Европе.

Итак, круг замкнулся и именной компонент *-ga* есть один из сокращенных вариантов более древнего *-gost/-gast*, выступавший как иносказательная форма древнерусского теонима, имевшего обережный смысл и оттого бывшего таким продуктивным и долговечным во всех областях ономастики, прежде всего в топонимике и антропонимике. В полной форме компонент *-gost/-gast* полнее всего сохранился на южнобалтийском побережье, о чем будет сказано далее. В силу своей абсолютной значительности постпозитивный компонент *-ga* сохранялся в названиях гидронимов и финно-угорскими народами, заселившими освоенную древними русами и ариями Восточную Европу 2000-1500 лет тому назад.

Таким образом, происхождение имени Волга (также как и родственные ему имена Олег и Ольга) связано исключительно с древнерусской духовной традицией, выступавшей культурным донором относительно всех народов, мигрировавших в Восточную Европу из Зауралья и Сибири. Остановиться на толковании конечного компонента *ga-* в имени Волги было необходимо, невзирая на то, что основное внимание в этом разделе должно быть сосредоточено на основе *вол-/ол-/л-*.

Мысль о том, что корнем в имени Волга является и.-е. **el-/*ol-*, подтверждается и исследованиями в области так называемой древнеевропейской гидронимии. По поводу самого данного понятия приведу разъяснение Н.В. Васильевой, согласно которому такие термины, как древнеевропейские гидронимы, древнеевропейская гидронимия, принадлежат только одной теории, в рамках которой они определяются и существуют. «Отцом» этой теории является немецкий индоевропеист Ханс Краэ, дальнейшее развитие она получила в работах таких немецких лингвистов, как В. Шмидт, Ю. Удольф и др. По мнению сторонников данной концепции, к древнеевропейским гидронимам следует относить название такого водного объекта, которое восходит к индоевропейскому корню и которое нельзя объяснить только из того языка, на котором говорят в историческое время на данной территории; значение такого названия должно относиться к семантическому полю воды, кроме того, данный гидроним должен иметь хотя бы одно соответствие на территории Европы в виде другого древнего названия со сходной структурой [3, с. 106-112].

Приведенный комментарий можно дополнить словами немецкого историка и археолога А. Пауля, писавшего о том, что концепция, получившая название «древнеевропейской гидронимии», возводит топонимику, необъяснимую из язы-

ков народов, проживающих в этих областях, к наследию первых индоевропейских переселенцев в Европе, давших названия рекам ещё до расхождения индоевропейских языков на разные группы. В наше время она является «общепринятой» в немецком научном мире. Спецификой этой концепции, возникшей на немецкой почве, были, в сущности, поиски подтверждения идеи «германской прародины» в Северной Германии, в силу чего, к примеру, полагали, что дославянская гидронимика Германии принадлежала «западной ветви» индоевропейцев, возникшей до заселения ее славянами. Однако трудами немецких сторонников концепции «древнеевропейской гидронимии» удалось систематизировать множество названий крупных рек Европы, выяснив, что все они происходят от одного индоевропейского корня, а изменения их форм зависят от дополнения этих корней разными формантами и суффиксами [23].

Надо сказать, что в немалой степени благодаря трудам названных немецких ученых удалось обнаружить и сходные с Волгой древние названия рек, выходящие за пределы территорий, населенных носителями как финно-угорских, так и балтских языков. Это – река Влга в бассейне Лабы (Чехия) и река Вилга в бассейне Вислы (Польша). Однако, как показывает ситуационный анализ, пока эти данные на вопрос о происхождении русской Волги, а вместе с этим и на вопрос происхождения русских имен Олег и Ольга кардинального влияния не оказали, но тем не менее введение их в научный оборот важно.

Продолжение следует.

Список литературы

Spisok literaturey

1. Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. – М., 2006. – С. 350.
Bajer G.Z. O varjagah // Fomin V.V. Lomonosov. Genij russkoj istorii. – М., 2006. – S. 350.
2. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. – Великий Новгород, 2005. – С. 161.
Vasil'ev V.L. Arhaicheskaja toponimija Novgorodskoj zemli. – Velikij Novgorod, 2005. – S. 161.
3. Васильева Н.В. О термине и понятии «древнеевропейские гидронимы» // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 106-112.
Vasil'eva N.V. O termine i ponjatii «drevneevropejskie gidronimy» // Onomastika Povolzh'ja. – М., 2001. – S. 106-112.
4. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. – М., 2005. – С. 182-183.
Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'. – М., 2005. – S. 182-183.
5. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – СПб., 1873. – № 32.
Gil'ferding A.F. Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda. – SPb., 1873. – № 32.
6. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. – М., 2004. – С. 31-36.
Gimbutas M. Balty. Ljudi jantarnogo morja. – М., 2004. – S. 31-36.
7. Грот Л.П. Великий русский князь Олег: имя и личность // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. – Липецк, 2014. – С. 8-34.
Grot L.P. Velikij russkij knjaz' Oleg: imja i lichnost' // Materialy nauchnoj konferencii po problemam gumanitarnyh nauk «Bartenevskie chtenija», posvjashhennoj 100-letiju nachala Pervoj mirovoj vojny. – Lipeck, 2014. – S. 8-34.
8. Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. – 2008. – № 8. – С. 111-117.
Grot L.P. Gnoseologicheskie korni normanizma // Voprosy istorii. – 2008. – № 8. – S. 111-117.
9. Грот Л.П. Древнерусские божества солнечного культа: анализ топонима Кола // Вестник Липецкого государственного университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. – Вып. 2. – 2008. – С. 50.
Grot L.P. Drevnerusskie bozhestva solnechnogo kul'ta: analiz toponima Kola // Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Serija Gumanitarnye nauki. – Vyp. 2. – 2008. – S. 50.

10. Грот Л.П. Между громовержцем и скотым богом // <http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/>

Grot L.P. Mezhdû gromoverzhcem i skot'im bogom // <http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/>

11. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». – Вып. 3. – М., 2012. – С. 437-442.

Grot L.P. O Roslagene na dne morskom i o varjagah ne iz Skandinavii // Slovo o Lomonosove / Serija «Izgnanie normannov iz russkoj istorii». – Vyp. 3. – М., 2012. – S. 437-442.

12. Грот Л.П. Политический миф норманизма // Научно-публицистический альманах «Русское поле». – 2013-2014. – № 4-5. – С. 89-120; Фомин В.В. Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? // Образовательный и культурно-просветительский журнал «Государственность. Gosudarstvennost». – 2013. – № 1-2 (3-4). – С. 118-149.

Grot L.P. Politicheskij mif normanizma // Nauchno-publicisticheskij al'manah «Russkoe pole». – 2013-2014. – № 4-5. – S. 89-120; Fomin V.V. Nuzhen li nashemu budushemu shvedskij vzgljad na nashe proshloe? // Obrazovatel'nyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal «Gosudarstvennost'. Gosudarstvennost». – 2013. – № 1-2 (3-4). – S. 118-149.

13. Грот Л.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». – Вып. 2. – М., 2010. – С. 118-139.

Grot L.P. Put' normanizma ot fantazii k utopii // Varjago-russkij vopros v istoriografii / Serija «Izgnanie normannov iz russkoj istorii». – Vyp. 2. – М., 2010. – S. 118-139.

14. Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1992.

Ivanov V.V. Tohary // Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. – М., 1992.

15. Иванов В.В., Топоров В.Н. Волх // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 108-109.

Ivanov V.V., Toporov V.N. Volh // Slavjanskaja mifologija. – М., 1995. – S. 108-109.

16. Клёсов А.А. Ответы дает ДНК-генеалогия // <http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/>

Kljosov A.A. Otvety daet DNK-genealogija // <http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/>

17. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.

Kokovcev P.K. Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v. – L., 1932.

18. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. – СПб., 1998. – С. 250-251.

Kuznecov B.I. Drevnij Iran i Tibet. Istorija religii bon. – SPb., 1998. – S. 250-251.

19. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // *Гедеонов С.А. Варяги и Русь*. – М., 2005. – С. 617.

Kuz'min A.G. Ob jetnicheskoj prirode varjagov // *Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'*. – М., 2005. – С. 617.

20. Мельникова Е.В. Ольгъ / Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fronten. У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова*. – М., 2005. – С. 143.

Mel'nikova E.V. Ol'g# / Oleg Veshhij. K istorii imeni i prozvishha pervogo ruskogo knjazja // *Ad fronten. U istochnika. Sbornik statej v chest' S.M. Kashtanova*. – М., 2005. – С. 143.

21. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. – М., 2009. – С. 387.

Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' i slavyane. – М., 2009. – С. 387.

22. Павлов Е.В. Семантика хоринского этногонического мифа: к этимологии этнонима «хор» // *Монголоведческие исследования*. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 2007.

Pavlov E.V. Semantika horinskogo jetnogonicheskogo mifa: k jetimologii jetnonima «hor» // *Mongolovedcheskie issledovaniya*. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 2007.

23. Пауль А. На каком языке говорили на юге Балтики до славян? // <http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/>

Paul' A. Na kakom jazyke govorili na juge Baltiki do slavyan? // <http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/>

24. ПВЛ. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перец. – 3-е изд. – СПб., 2007. – С. 27-29.

PVL. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva / Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Perec. – 3-e izd. SPb., 2007. – С. 27-29.

25. Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. – М., 1988. – С. 47.

Pospelov E.M. Shkol'nyj toponimicheskij slovar'. – М., 1988. – С. 47.

26. Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях / Под общ. ред. В.Е. Захарова: сост., предисл. и коммент. С.Н. Азбелева. – М., 2013. – С. 3-7.

Rossijskaja istorija v zerkale russkoj poezii: Rossiya Romanovyh v istoricheskikh pesnjah / Pod obshh. red. V.E. Zaharova: sost., predisl. i komment. S.N. Azbeleva. – М., 2013. – С. 3-7.

27. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1997. – С. 141.

Rybakov B.A. Jazychestvo drevnih slavyan. – М., 1997. – С. 141.

28. Сахаров И.П. Сказания русского народа. – Т. 1, кн. IV. – СПб., 1885. – С. 80.

Saharov I.P. Skazaniya russkogo naroda. – Т. 1, кн. IV. – СПб., 1885. – С. 80.

29. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // *ИОРЯС РАН*. – Тт. XXVI – XXVII. – Л., 1921 – 1924.

Sobolevskij A.I. Russko-skifskie jetjudy // *IORJaS RAN*. – Тт. XXVI – XXVII. – Л., 1921 – 1924.

30. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л., 1985. – С. 14-15.

- Suslova A.V., Superanskaja A.V. O russkih imenah. – L., 1985. – S.14-15.
31. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – С. 4.
- Toporov V.N., Trubachev O.N. Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja. – М., 1962. – С. 4.
32. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М., 1993. – С. 23-25.
- Trubachev O.N. K istokam Rusi (nabljudenija lingvista). – М., 1993. – С. 23-25.
33. Улуханов И.С. Происхождение названия Волга // Изучение географических названий. – М., 1966. – С. 105-107.
- Uluhanov I.S. Proishozhdenie nazvanija Volga // Izuchenie geograficheskikh nazvanij. – М., 1966. – С. 105-107.
34. Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1902. – С. 320-321.
- Halanskij M. K istorii pojeticheskikh skazanij ob Olege Veshhem // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1902. – С. 320-321.
35. Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1903. – С. 24.
- Halanskij M. K istorii pojeticheskikh skazanij ob Olege Veshhem // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1903. – С. 24.
36. Хенгст К. Древнеевропейские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 103.
- Hengst K. Drevneevropejskie gidronimy u vostochnyh slavjan // Onomastika Povolz'hja. – М., 2001. – С. 103.
37. Шлёцер А.Л. Нестор. – Ч. III. – СПб., 1809. – С. 105.
- Shljocer A.L. Nestor. – Ch. III. – SPb., 1809. – С. 105.
38. Krahe H. Lexikon altillyrischer personennamen. – Helderberg, 1929. – С. 56, 80.
39. Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. - St. – Petersburg, 1845. – С. 142 ff.
40. Modéer I. Svenska personnamn. Handbok för universitetsbruk och självstudier av Ivar Modéer utgiven av Birger Sundqvist och Carl-Eric Thors. – Lund, 1964. – С. 39.
41. Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. – Stockholm, 1967. – С. 91
42. Thomsen V. Ryska Rikets grundläggande genom skandinaverna. – Stockholm, 1882. – С. 64-65.